

OCR - Nina & Leon Dotan (05.2005)

<http://ldn-knigi.lib.ru> (ldn-knigi.narod.ru) (ldn-knigi@narod.ru)

(наши пояснения и дополнения - шрифт меньше, курсивом)

{X} - Номера страниц соответствуют началу страницы в книге.

В оригинале сноски находятся в конце соответствующей страницы, здесь - сразу за текстом! Даны отдельно: фотографии к книге и выдержки из речей подсудимых и защиты. Дополнение в конце книги: об авторе.

Старая орфография изменена.

ДВѢНАДЦАТЬ СМЕРТНИКОВЪ

СУДЪ НАДЪ
СОЦІАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ
ВЪ МОСКВѢ

ИЗДАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ П. С. Р.
БЕРЛИНЪ.
1922 г.

**СУД
НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В
МОСКВЕ.**

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛЪ КАУТСКІЙ

**Введеніе.
Московскій судъ и большевизмъ."**

II

ВЛ. ВОЙТИНСКІЙ

**Судъ надъ соціалистами-революціонерами
въ Москвѣ.**

III

ПРИЛОЖЕНІЕ

**Тактическія позиціи партіи соціалистовъ-
революціонеровъ по документамъ.**

ВВЕДЕНИЕ

Московский суд и большевизм.

Между партией русских социалистов-революционеров и партией социал-демократов существует сильное расхождение, больше того, противоречия в основах мировоззрения и тактики. Несмотря на это, я охотно принял приглашение написать в качестве введения к изложению Московского процесса, издаваемому российской П. С. Р., несколько слов для характеристики этого процесса. Больше того, я чувствую, что не только имею право, но даже обязан написать это введение, и именно в силу исповедуемых мною социал-демократических принципов. Ибо принципы эти гласят, что пролетариат, наиболее униженный и поработанный из всех классов, не может освободиться, не освобождая при этом всех поработанных. Пролетарская социалистическая партия не может выполнить своей великой исторической задачи, не сделавшись защитницей всех поработанных и угнетенных. Поэтому Маркс и Энгельс вступились за угнетенную Польшу и встали на защиту Ирландии; поэтому, в области колониальной политики, социал-демократы всегда стремились к освобождению туземного населения колоний. При этом они часто поддерживали и не социалистические, буржуазные элементы.

Тем более обязаны мы заступиться за преследуемых и гонимых, когда они принадлежат к партии, которая так же, как и мы, хотя не всегда теми же путями, стремится к освобождению трудящихся и издавна вела самую решительную беззаветную борьбу с {8} заклятым врагом мирового прогресса, с русским деспотизмом. Борьба, которую ныне ведут социалисты-революционеры, есть только продолжение этой старой борьбы, ведь нет существенной разницы в том, является ли самодержавная власть наследственной или созданной вновь, властвует ли «законный» царь или клика случайно выдвинувшихся людей, родился ли тиран во дворце или он использовал, для того чтобы подняться в Кремль, рабочую и крестьянскую революцию.

И именно то обстоятельство, что новый русский деспотизм не царистский, а бонапартистский, делает особенно необходимым, чтобы социалистические партии мира вступились за преследуемых им русских социалистов. Ибо этот бонапартизм хочет сделать социалистов всего мира сообщниками его политики преследований, чего, по вполне понятным причинам, царизм никогда не пытался делать. Большевицкие властители хотели бы, чтобы социалисты всего мира рукоплескали предпринимаемым ими гонениям на социалистов-революционеров и меньшевиков. Но прошли те времена, когда они могли рассчитывать на то, что их заявления будут приняты без всякой критики.

Они стараются представить свою политику, как единственно-правильное применение марксизма, как строгое проведение принципов классовой борьбы. Но с этими принципами совершенно не совместимы грубые преследования и гонения, которым социалисты определенного направления подвергают рабочих, за то лишь, что эти рабочие признают социализм в ином толковании, чем они.

Мы, социал-демократы марксисты, в согласии со всеми почти остальными социалистами, требуем демократии и этим самым

возможности свободной пропаганды для всех политических партий. Эту возможность ничем неестественной пропаганды мы должны прежде всего потребовать для всех социалистических партий России.

Совершенно неизбежно, что различные социалистические партии часто сильно борются друг с другом, но борьба эта должна быть только борьбой аргументов, борьбой за душу пролетариата. Социалисты, которые борются при помощи штыка, пулемета, Че-ки и тюрьмы против социалистических воззрений, расходящихся с {9} их взглядами, чинят этим огромное насилие над пролетариатом и над идеей классовой борьбы. Это чувствуют даже сами большевики. Поэтому они стараются оправдать свой режим насилия в глазах социалистов всего мира, утверждая, подобно волку в известной басне, что ягнята кощунственно мутят воду, которую они, большевики, хотят сохранить в чистоте. Убедить в этом мир — было главной целью московского процесса. Этим путем большевики желали уничтожить не только физически, но и морально наиболее выдающихся социалистов-революционеров. Но процесс дал обратные результаты. Он привел к моральной победе обвиняемых, к моральной казни обвинителей.

Большевизм первый применил насилие по отношению к другим социалистам. Он разогнал Учредительное Собрание не для отпора насильственным актам меньшевиков и эсэров, но потому, что признал свое бессилие привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства при помощи пропаганды, наравне с другими социалистами. Отсюда переворот, направленный против большинства представителей революционных рабочих и крестьян; отсюда лишение прав всех социалистов, не склонившихся перед коммунистическим кнутом; отсюда создание политического положения, при котором оппозиции остается только одна форма открытого политического выступления — гражданская война.

Социал-демократия никогда не отрицала применения силы для преодоления насильственного угнетения, она только ставила это применение в зависимость от соображений целесообразности, от возможности рассчитывать на успех. Если она в этом отношении расходилась иногда с с. - р., то это было не по принципиальным, а лишь по тактическим соображениям. Но, если я хорошо осведомлен, то по этому пункту в настоящий момент нет существенных разногласий между меньшевиками и эсэрами: и теми и другими признано, что антибольшевистское восстание в настоящий момент не может быть успешным и даже, при некоторых обстоятельствах, может привести к ложному шагу обращения к иностранной или реакционной помощи. Вооруженное восстание против большевиков привело бы {10} в данный момент только к замедлению процесса, совершающегося в России и чреватого большими последствиями, — отхода пролетарских и крестьянских масс от большевизма и устремления их к другим социалистическим течениям. В этом процессе заключается смертельная опасность для большевистской диктатуры. Истинное преступление, в котором эсэры действительно повинны перед большевиками в настоящее время, состоит не в подготовке террористических актов и вооруженных восстаний, но в том, что эсэры, ряды которых быстро растут, так же как и меньшевики, а может быть в еще большей степени, приобретают доверие рабочих масс России, так что в скором времени за большевиками не будет стоять никого, кроме нескольких капиталистов и Красной Армии, да и эти, пожалуй, останутся с ними недолго. Ибо военная диктатура требует

военных успехов во вне, а не только подавления бунтов изголодавшихся крестьян.

Напрасно стараются большевики побороть поднимающуюся против них волну. Единственное, чем они владеют в совершенстве, — это искусство уничтожения противника при помощи насилия и лжи. Зато они обнаружили полное непонимание условий, при которых возможно социалистическое производство, и такое же полное отсутствие проницательности в определении условий, необходимых для развития капиталистического производства. В своем стремлении к осуществлению социализма они разрушили весь производительный аппарат России, и их попытка починить его теперь при помощи капитализма грозит еще большим его разрушением. Но если бы даже им удалось создать в России новый капитализм и с его помощью вновь пустить в ход производство, то это произошло бы при наличии пролетариата, которого сами большевики сделали совершенно неспособным к борьбе.

В том и другом случае, нищета и горе будут еще годы царствовать в русском государстве и будут порождать, с одной стороны, апатию отчаяния, с другой — вызванные отчаянием восстания масс. Московский процесс должен был отвлечь народное возмущение от большевиков и направить народный гнев против социалистов-революционеров. Напрасные старания: стрела, падая, поражает стрелка.

{11} Большевики надеялись повести процесс так, чтобы представить обвиняемых с. - р. и всю их партию, как сообщников контрреволюции и иностранных держав.

Для достижения этой цели они не остановились перед самым беззастенчивым применением всех грязных методов старого полицейского режима и крайним бесстыдством превзошли этот режим, опытным прокурорам которого достаточно было, как известно, двух строчек, писанных рукой подсудимого, чтобы отправить его на виселицу. И, несмотря на это, обвинители разоблачили в течение процесса лишь одно: собственную низость.

Когда в мае 1849 года Марковская «Новая Рейнская Газета» была запрещена контрреволюцией, то Фрейлиграт заклеил это жалкое насилие пламенными словами. От имени запрещенного органа он сказал:

«Это — не открытый удар в открытой борьбе;
«Против меня — коварство и низость;
«Против меня — пресмыкающаяся подлость.
«Грязной мировой азиатчины».

Обвиняемые в московском процессе также сражены не открытым ударом в открытой борьбе, но тайной низостью грязных поборников татарского или калмыцкого социализма.

Но как невинна была «пресмыкающаяся подлость», которую бичевал Фрейлиграт, по сравнению с низостью, выявившейся в московском процессе!

Бесстыдная лживость, гнусная трусость и дьявольская жестокость обвинителей, судей и сыщиков, проявившиеся в этом деле, почти беспримерны в мировой истории и должны быть отмечены, как одна из ее позорнейших темных страниц.

Как героически возвышаются фигуры подсудимых, мужчин и женщин, и какое отвратительное и жалкое моральное разложение являет

свора, жадно требующая их крови, их оскорбляющая и преследующая их жестоко, чтобы насладиться их муками!

Моральная высота подсудимых и низость их противников выступили на процессе с такой очевидностью и убедительностью, что они произвели глубочайшее впечатление на всех, за исключением своры кровожадных {12} псов, которых московские палачи наняли для защиты их дела в европейской печати, и которые настолько бесстыдны, что пошли на это.

Обвиняемые с. - р. спасли честь социализма, которую большевизм попрадал ногами. Имена Гоца, Тимофеева и их товарищей запечатлеются в сердцах рабочих всего мира, без различия партий.

Не всегда большевики стояли на том низком уровне, до которого они упали теперь. Многих из них мы знали, как честных борцов и идеалистов.

Но переворот 1917 года поставил их в ложное положение, которое должно было их все более и более развращать.

С самого начала они построили свою власть на лжи и насилии над пролетариатом, на принципе, будто для достижения и удерживания власти хороши все средства.

Этот принцип всегда ведет к разложению партии, которая применяет его. Он развращает одних ее членов и парализует других, которые не борются с развращенными элементами.

Партии, преследующей великую цель, позволены лишь те средства, которые этой цели требуются. Партия, желающая освободить пролетариат, не может употреблять для завоевания и удержания своей власти такие средства, которые дезорганизуют и деморализуют пролетариат. Но только такими средствами могли утвердиться большевики, и поэтому они предпочли гибель русского и ослабление мирового пролетариата соглашению с другими социалистическими партиями России в целях создания революционного режима, опирающегося на народные массы и предоставляющего этим массам полнейшую свободу развиваться духовно и создавать свое экономическое благосостояние.

Прибегая для утверждения своей власти к средствам, ослабляющим и разлагающим пролетариат, большевики показали, что они не заботятся о поднятии и освобождении пролетариата, но что они представляют собой клику, знающую одну лишь цель: укрепление собственной власти.

{13} Это свойство большевизма роднит его с наследием французской революции, бонапартизмом. Как и этот последний, большевизм основывается на лжи и насилии. Но как первая, так и вторая империя открыли Франции эру экономического процветания и могли поэтому опираться на признание широких народных кругов, — не только на капиталистов, но и на крестьян. Большевизм, напротив того, разорил Россию и восстановил поэтому против себя весь народ. Поэтому его ложь и насилие должны значительно превосходить ложь и насилие французского бонапартизма. Но по этой же причине, несмотря на свою лживость, жестокость и подлость, большевизм не сможет держаться так долго, как режим Бонапарта во Франции.

Московский процесс был отчаянной попыткой большевиков опорочить в глазах русского пролетариата и вместе с тем всего мира их самых опасных в настоящее время противников, представив их, как

пособников контрреволюции, и вернуть коммунизму утерянные им симпатии пролетариата.

Этот процесс проигран большевизмом. Не подсудимые, а обвинители, судьи и их наемники вышли из этого процесса осужденными в глазах России и за пределами ее, клейменными, преданными глубочайшему презрению. Процесс этот показал тем, кто до сих пор это недостаточно ясно видел, всю гнилость и разложение большевистского режима.

Но московский процесс есть лишь один из сопутствующих моментов той великой всемирно исторической тяжбы, которую ведет большевизм. И из этого процесса он выйдет осужденными. Режим, подобный большевистскому, созрел для гибели. Пока еще нельзя сказать, когда и каким образом он падет, но одно можно утверждать с полной уверенностью и сейчас:

Большевизм падет со стыдом и позором, оплакиваемый, быть может, спекулянтами капиталистического мира, но сопровождаемый проклятиями всего борющегося за свое освобождение пролетариата. На этот конец большевистской диктатуры явно указывает нам московский процесс, и в этом его историческое значение.

К. Каутский.

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин - приложение]

№ П-66

Письмо К. Каутского Заграничной Делегации ПСР
с выражением протеста против предстоящего процесса

14 марта 1922 г.

Дорогие Товарищи!

В данный момент у меня нет в распоряжении своего органа; равным образом я не занимаю теперь в германской социал-демократии никакого официального положения и могу говорить только, как частное лицо.

Я считаю само собой подразумевающейся обязанностью каждого, желающего быть достойным имени социалиста, присоединиться ко всяким выражениям протеста с.-р., чтобы помешать низкому плану убийства 47 преданных суду членов Вашей партии, и если уже неизбежно должен состояться над ними суд за давнишние действия, то добиться того, чтобы они предстали перед беспартийным судом из членов трех пролетарских интернационалов. Достигнуть этого представляется мне столь же важным, как и добиться назначения комиссии тремя интернационалами, комиссии, которая должна быть послана в Грузию, чтобы изучить тамошние условия и дать грузинскому народу возможность распорядиться своей судьбой. Из этих двух задач мне представляется не терпящим ни малейшего отлагательства протест с целью помешать судебной расправе над привлеченными к суду товарищами из партии с. р. Я надеюсь, что не найдется ни одной соц[иал]-дем[ократической] партии, будет ли она принадлежать ко II интернационалу или к Венскому объединению, которая не исполнила бы до конца своего долга в этом деле.

Если бы коммунистические партии отстранились бы от дела протеста, или захотели даже помешать ему, то они должны быть заклеены перед пролетариатом всего мира, как трусливые помощники московских палачей, как рабы, лишённые всякого чувства достоинства и чести, с которыми никто не может вступать в общение, кто серьезно стремится к освобождению пролетариата.

Выражая Вам лучшие пожелания успеха в Вашем деле, сердечно приветствую Вас.

Ваш Карл Каутский.

Шарлоттенбург, 14 Марта 1922 г.